

НИНА САВЧЕНКОВА
АНАЛИТИКА ПСИХИЧЕСКОГО ОПЫТА.
ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ
В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОАНАЛИЗЕ XX ВЕКА

СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа,
2009. – 232 с.

Научные работы питерского философа и психоаналитика Нины Савченковой заметно выделяются в общем валовом потоке философских публикаций и тематически, и стилистически.¹ Исследовательские интересы автора давно определились – это психический опыт в интенсивности его аффективного и коммуникативного осуществления. И сам предмет подобных исследований, и несомненный философский и литературный талант Н. Савченковой, а также неординарные герменевтические способности делают её тексты по-настоящему интригующими и провокативными для философской рефлексии. Понятно, что жанр монографии, да ещё излагающей результаты докторской диссертации, – другой, он требует систематизма и новаторства. Сразу скажу, что и то, и другое в тексте монографии состоялось.

В своём исследовании Савченкова стремится предъявить собственную версию философской контекстуализации психоанализа на фоне уже существующих вариантов подобной контекстуализации и вместе с тем поучаствовать в выработке идентичности психоанализа в условиях разнообразия его теоретических форм и практик. Вообще любая научная идентичность в условиях парадигмальной плюральности и разнообразия, граничащая с размыванием теоретических констант и опасностью срыва необходимого всем научного диалога, может утверждаться и отстраиваться заново, только возвращаясь к собственным истокам. Кстати говоря, это сегодня происходит и с философией в целом, под именем которой фигурируют столь различные практики, часто абсолютно не сводимые к общим теоретическим и даже институциональным основаниям, и философия также вынуждена то и дело вопрошать о собственных истоках, возвращаться к началу, чтобы двигаться дальше. Именно поэтому Савченкова, заботясь о перспективах психоанализа, и прежде всего в России, возвращается к основаниям психоанализа, заложенным Фрейдом, видя корень психоаналитической проблематики в тематизации «психической предметности». Подобный ход не только никогда не бывает лишним, но он

¹ См., например: Савченкова Н. *Альтернативные стили чувственности: идиосинкразия и катастрофа*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004; или: Савченкова Н. К поэтике аналитических отношений // *Топос*. 2008. № 1(18).

становится жизненно необходимым для всякого, кто хочет мыслить ответственно и позиционально, что в принципе и означает мыслить.

Путь мысли предполагает и дотошный анализ, и интеллектуальные эксперименты, и строгость, и решимость на непривычное. Сопоставление классической гуссерлевской феноменологии и фрейдовского психоанализа, которое реализовано в монографии, непривычно – и для феноменологической традиции, и для самого психоанализа. Потому что в истории этих учений мы не видим практически никакого реального диалога между ними. У Гуссерля не было интереса к психоанализу, а Фрейд, как мы знаем, отмежёвывался от философии. Поэтому подобное сопоставление непривычно само по себе, тем более в плане обнаружения общих интуиций в отношении психического. Более того, нет ничего более далёкого друг от друга в трактовке психики, чем феноменология и психоанализ, – таков за редкими исключениями устойчивый стереотип философии сознания, разводящей по разные стороны натурализм Фрейда и трансцендентализм Гуссерля. Например, Поль Рикёр называл позицию Фрейда «антифеноменологической». Но он также добавлял, что психоанализ «является если не философской дисциплиной, то, по крайней мере, дисциплиной для философа»², заставляющей философа пересмотреть многие понятия и философии сознания, и философской антропологии, и прежде всего отказаться от эпистемологических и онтологических предрассудков *cogito*. Ещё более отчётливо высказалась на эту тему Н.С. Автономова, назвав психоанализ «ферментом преобразований»³ для различных наук и философии.

Проясняя программу исследования, диссертант пишет: «...“локальные синтезы”, проработка связей, существующих между отдельными областями знания, и обоснование сущностных эпистемологических конфигураций, возникших в XX–XXI вв., остаются важнейшими задачами теории познания»⁴. С этим утверждением трудно не согласиться. Тем более что сам компаративистский приём, само одновременное рассмотрение идей Гуссерля и Фрейда, осуществлённые в работе Савченковой, методологически вполне релевантны и феноменологии, и психоанализу: психоанализу – поскольку для него нечто вообще может быть выяснено только в процессе коммуникации, для феноменологии – поскольку для неё (в особенности для позднего Гуссерля) процессы конституирования, в том числе теоретического, коренятся в структурах интересубъективности. Феноменология, как известно, говорит, что нечто может

² Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 2005. С. 31.

³ Автономова Н.С. Реальные травмы и символические исцеления? (По материалам российско-французской конференции «Психоанализ и науки о человеке». Москва, март-апрель, 1992) // *Вопросы философии*. 1993. № 12. С. 33.

⁴ Савченкова, *Аналитика психического опыта*, указ. соч., с. 23.

быть дано только в той или иной перспективе, тем или иным способом, что одно так или иначе мы понимаем через другое. Поэтому, в частности, сама попытка понимать Фрейда через Гуссерля или – шире – в свете концептуализаций феноменологии – законная и эвристичная. Более того, создание подобного двудисциплинарного контекста, трансэпистемического горизонта, чрезвычайно выгодно обеим дисциплинам, поскольку препятствует тенденциям к имманентному доктринальному догматизму, формируя возможности для самокоррекции и самокритики. Ещё Шпигельберг отмечал, что психоанализ может обращаться к феноменологии ради возврата к опыту, а феноменология к психоанализу – ради более глубокого анализа сферы сознания.

Обычно философская легитимация психоанализа осуществляется либо на пути критики «ложного сознания» (Маркузе, Фромм), либо на пути герменевтического синтеза (П. Рикёр), либо на пути, объединяющем как предыдущие, так и ряд других традиций (Ю. Хабермас). Диссертант пошла по другому пути, гораздо более сложному и деликатному, поскольку в сфере философии сознания, философской психологии методологическая строгость и чистота отстаиваются всегда гораздо жёстче, чем в той же социальной теории, часто превращающейся в публицистику и литературу. В частности, феноменологи обычно строго следят за чистотой своих рядов, своих принципов, своих дескрипций. Поэтому выступать на этом поле исследователю с открытыми психоаналитическими симпатиями и приоритетами⁵ есть очевидный теоретический, а значит, и биографический риск, который априори вызывает уважение и заслуживает всяческой поддержки.

Вторая часть книги (а это почти две трети всего объёма) целиком посвящена непосредственно Фрейду. Чувствуется, что это родная стихия для автора, поражает систематизм и исчерпывающая полнота изложения фрейдовских идей. Но Савченкова не просто излагает идеи основоположника психоанализа, она – их чуткий интерпретатор. Пристрастие, с которым она подходит к наследию Фрейда, и великолепное владение материалом, взятые вместе, объясняют образ того «сложного Фрейда», который создан в тексте исследования. Автор всё время предостерегает от вульгаризаторских трактовок учений Фрейда, идёт ли речь о влечениях или о топической модели психического, или о психофизической проблеме. Однако очевидная апология Фрейда в тексте монографии не препятствует её автору творчески воспринимать тексты Фрейда, переформулировать и попутно контекстуализировать многие его идеи, не мешает периодически делать акцент на самом существенном – перманентной и целостной динамике психического, теоретически и практически утверждаемой психоанализом. «Любой психический

⁵ Нина Савченкова – практикующий психоаналитик. В этой связи следует отметить, что автор удивительным образом «сплавляет» в себе три идентичности: философа, психоаналитика-теоретика и психоаналитика-практика.

факт есть динамическая система формирования значимостей»⁶ – эта фраза из монографии может служить неким символом той психоаналитической модели психики, которая убедительно представлена в работе. Феноменологическую параллель к этой идее Савченкова находит в учении Гуссерля о целом и части.

Надо отметить, что не гуссерлевское учение об интенциональности послужило для диссертанта главной смычкой феноменологии и психоанализа, хотя теория интенциональности достаточно адекватно, пусть и с некоторыми неточностями, изложена ею во второй главе первой части. И даже несмотря на то, что в тексте проводится очевидная параллель между интенциональностью и влечением, объектным инвестированием. Эта параллель, кстати говоря, столь же привлекательна, сколь и спорна, учитывая натуралистические коннотации происхождения понятия влечения и тот факт, что, по точной формуле современного итальянского психоаналитика, формуле, разделяемой и Савченковой, Фрейд был «эпистемологическим канатоходцем», то есть, проще говоря, причудливым образом совмещал объективизм и субъективизм, дескрипцию и объяснение, ментализм и натурализм, дискурс силы и дискурс смысла. Поэтому гораздо интересней и неожиданней выглядит другая мысль автора, которая красной нитью проходит сквозь всю работу и затрагивает концепции не только Фрейда, но и других психоаналитиков, в частности Мелани Кляйн, идеи которой о «частичном объекте» (материнской груди) и психической проблеме для ребёнка воспринимать целостные объекты изложены в последней части монографии. Эта мысль апеллирует к третьему исследованию Гуссерля из *Логических исследований*, посвящённому априорному формально-онтологическому учению о целом и части. Здесь Гуссерль, руководствуясь априорной сущностной дескрипцией, формулирует принцип существования целого, основанного не на структурной иерархии, не на простой суммативности, а на самых разнообразных (непосредственных и опосредованных, взаимных и односторонних) отношениях фундирования *несамостоятельными* частями друг друга или отношениях зависимости их друг от друга.⁷ Причём, отметим, Гуссерль распространяет это новое понятие целого и на слой интенциональной предметности, и на реальный слой психики, то есть слой психических актов, которые как раз образуют такую подвижную,

⁶ Савченкова, *Аналитика психического опыта*, указ. соч., с. 85.

⁷ Приведём важную цитату из Гуссерля: «Под целым мы понимаем совокупность содержаний, охваченных единым фундированием... Содержания такой совокупности мы называем частями. Говоря о единстве фундирования, мы имеем в виду, что каждое содержание связано, прямо или косвенно, с каждым другим содержанием через фундирование. Это может происходить таким образом, что все содержания фундированы друг в друге непосредственно или опосредованно без содействия извне. Или наоборот: все вместе они фундируют какое-то новое содержание, и опять без внешнего воздействия»; см.: Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). *Логические исследования*. Т. II (1); перев. с нем. В.И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги. С. 257.

основанную на отношениях фундирования целостную взаимосвязь. Этот логический аспект «психической предметности» Савченкова видит в разных моментах психоанализа, и прежде всего в его идее *свердетерминации* и *динамической модели психики*, которая рассмотрена в тексте на конкретном примере (случай Люси Р). Имея дело с «переплетением переживаний», психоаналитик исходит из целостности психического опыта, которая трактуется им не в субстанциалистской перспективе, но в духе Гуссерля – как динамический и функциональный эффект отношений фундирования.

Здесь же скажем, что понятие «психической предметности», вынесенное в заголовок монографии и должное, согласно её задачам, быть исследованным, является, по всей видимости, не столько строгим историко-философским термином, сколько понятием-оператором, собирательным понятием, призванным связать друг с другом как два научных направления (феноменологию и психоанализ), так и два уровня психического: уровень потока переживаний и уровень их интенциональных коррелятов. В этом смысле оно обнимает собой всю психическую фактичность в её динамическом осуществлении. Хотя, очевидно, что в основном Савченкова занята не столько интенциональными коррелятами, сколько самой корреляцией и проблемой сущности психических актов, что, несомненно, делает психоаналитический дискурс разновидностью философской психологии.

Пунктирно сформулируем ещё несколько пунктов теоретических пересечений феноменологии и психоанализа, которые не столько прописаны, сколько по большей части следуют из текста монографии.

1. Феноменология есть работа, направленная на приведение вещей к состоянию очевидности, есть создание условий для самопоказывания феноменов. И психоанализ есть работа по приведению к очевидности определённых психических содержаний, значений. Автор пишет, что в психоанализе не раскрывается тайна внутреннего, а создаются условия, в которых факты внутреннего опыта приобретают очевидность.

2. И в психоанализе, и в феноменологии эта работа наталкивается на силы «сопротивления»; этот известный *психоаналитический* термин в отношении философии Гуссерля означает устойчивую, исторически транслируемую и обладающую огромной инерционной силой привычку сознания к «естественной установке». Поэтому в обоих случаях эпистемологические усилия, с обычной точки зрения, выглядят как противоестественные. Правда, автор, нащупывая тему «сопротивления» в феноменологии, предпочла говорить не о гуссерлевской «естественной установке», а о хайдеггеровском понятии неподлинного экзистирования, когда «потерянность» вот-бытия среди вещей и людей сопротивляется тому, чтобы вот-бытие понимало себя из своих собственных возможностей.

3. В обоих направлениях трактовка психического осуществляется в направлении прояснения его истока, то есть в генетической

перспективе. Эта точка зрения предполагает, что в конститутивных процессах, осуществляющихся в настоящем, участвуют (входят) результаты («седиментации», по Гуссерлю) былых актов конституирования. Правда, следует отметить, что в монографии, к сожалению, отсутствует тема генетической феноменологии Гуссерля.

4. Отсюда вытекает общий и для феноменологии, и для психоанализа темпоральный взгляд на психическое, что в работе неоднократно утверждается. Психическое темпорально в том смысле, что имеет диахроническую структуру, свою собственную имманентную историю.

5. В этой имманентной истории и психоанализ, и феноменология выделяют тот пласт генезиса психических содержаний, который можно назвать монадическим (например, понятие индивидуальной психической истории в топической модели психики у Фрейда, прекрасно раскрытой Савченковой), и тот пласт, который можно назвать intersubъективным (у Гуссерля это тема *Lebenswelt, Heimwelt* и *Fredwelt*, а у Фрейда – тема архаических истоков инстинктов и роли ближайших других – отца и матери – в процессах смыслообразования).

6. И в психоанализе, и в феноменологии сознание оказывается не только теоретической, но и серьезной практической задачей. Эта цель связана с общей для двух направлений мысли практической задачей науки – с задачей избавления от иллюзий, с телосом осмысленного существования.

В заключение выскажу несколько замечаний.

Во-первых, сопоставление феноменологии и психоанализа в монографии осуществлено недостаточно радикально, так что при чтении исследования возникает эффект феноменолого-психоаналитического параллелизма. Следовало, на мой взгляд, гораздо смелее одно понимать через другое.

Во-вторых, отсутствие апелляции к генетической феноменологии Гуссерля является досадным упущением исследовательницы: в работе нет даже самого различия статической и генетической феноменологии, а именно в последней как раз более всего содержится пересечений с психоанализом. Могу порекомендовать в этой связи вышедшую два года назад новаторскую монографию А.Э. Савина *Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля* (2008).

В-третьих, непонятно, зачем автору понадобился параграф о Хайдеггере. Хайдеггер не просто отрицательно высказывался о Фрейде во время Цолликоновских семинаров, в доме М. Босса, но вообще по принципиальным соображениям элиминировал тему сознания и психики из философии, поэтому он должен быть оппонентом, а не союзником автора монографии. Вряд ли можно понимать Хайдеггера как радикализированного Гуссерля, а идею трансценденции как радикализацию идеи интенциональности. Представители феноменологии сознания с этим никогда не согласятся. Споры внутри феноменологии между менталистской и экзистен-

циальной методологиями отнюдь не случайны – это как раз споры по поводу функции фундирования.

В-четвёртых, некоторые положения в работе остались скорее заявлениями, проектами, чем получили своё развитие, в частности, идея этического измерения «психической предметности» и учреждения сообщества.

Однако указанные замечания нисколько не умаляют незаурядных достоинств работы, её большой научной ценности и актуальности. Перед нами очень насыщенный, очень густой, очень информативный текст. Монография обладает безусловной оригинальностью, законченностью, собственным лицом, обогащает нас целым рядом новых идей в области онтологии психической жизни и способов её познания. В предисловии к своему исследованию автор выражает благодарность тем, кто учил её слушать – учителям и анализантам, – и тем, кто позволил говорить – студентам, – а затем произносит слова, которые просто нельзя за ней не повторить: «Мне кажется, любые книги мы пишем для тех, кого любим, с тем, чтобы попытаться объяснить им, почему они так важны для нас, попытаться понять, что за событие, выпавшее нам как дар совместности, мы проживаем»⁸. Удивительно, как философское исследование, отвечающее всем нормам «строгой науки», оказывается пронизано мощной и неформальной лирической нотой. Думаю, что чтение этой книги, как и непосредственное общение с её автором, есть прекрасная возможность почувствовать на себе тот самый дар совместности, наполняющий и фактически придающий смысл любой академической деятельности.

Виталий Лехицер

⁸ Савченкова, *Аналитика психического опыта*, указ. соч., с. 8.